

19 МАЯ 1963

События · Впечатления · Факты

ЗА КУЛИСАМИ ТЕАТРА

Как и у сотен людей, заполнявших огромный зрительный зал Театра Советской Армии, у вас свои думы, заботы. Но сейчас вам не до них. Вы во власти волшебных чар искусства, живете одним — полной драматизма историей морского офицера Петрова, главного героя спектакля «Под одной из крыш» (пьеса Э. Аграненко). Трудная выпала на его долю судьба: пытки в фашистском плену, муки в лагере у американцев и, наконец, необходимая репрессия у себя на родине. Из горнила испытаний офицер выходит духовно еще сильнее, в родной дом, на родной флот возвращается с еще более крепкой верой в непоколебимость нашего дела.

Спектакль захватил вас, и вы вряд ли сейчас думаете о тех, чьи труды он делается. Столь естественные поступки героев, этот красивый вид города, далекий гул артиллерийской канонады — все кажется вам своим, легко, без усилий. Лишь в антракте, перед незапланированной следующей действии, шло к вам с любопытством взглянуть на таинственный завладевший, что, интересно, за ним творится? А и в самом деле: давайте, читатель, посмотрим, что же происходит за кулисами театра во время спектакля. Нарушим хоть раз строгий театальный запрет — посторонним на сцену нельзя! — и заглянем в мир закулисных тайн...

ВМЕСТЕ с заведующим монтажной частью театра Я. М. Гецделевичем входим в небольшую ярко освещенную комнату, что справа от сцены. Тихо. Лишь сверху на режиссера доносится приглушенный говор — во всех артистических уборных транслируется спектакль. В кресле у зеркала стоят два человека — народный артист РСФСР В. М. Зельдин. Над ним склонилась гример Л. Мишаглина. Она проплетала с ювелирной точностью наносит грим, и вот на наших глазах совершается разительное превращение. Только что лицо Петрова дышало энергией, молодостью, волей, а теперь оно ослеплено, пожелтело, покрылось морщинами. Рядом в руках костюмерши наготове телогрейка, актер надевает ее, и перед нами — заключенный одного из лагерей Крайнего Севера.

Взглядом Владимир Михайлович привычно следит за осторожными движениями кисточки гримера, иногда что-то коротко советует, а сам упорно вживается в нового Петрова, много перенесшего, но не сложенного. Немного вспоминаешь прочитанные где-то слова: профессия актера — одна из труднейших. Да! Позже Зельдин нам рассказал,

сколько труда вложено в роль Петрова. Это и поездки на корабли Балтики, и неоднократное посещение музеев, и вдумчивое чтение десятка военно-морских книг. А репетиции? В лагерном бараке на руках Петрова умирает его товарищ по всем бедам матрос Кульнев. Сколько бился Зельдин, режиссер Б. В. Амин, народный артист РСФСР А. А. Попов и другие актеры над тем, как выразительней передать его переживания из-за потери (самого близкого человека. Петров в отчаянии хватается за голову — отвратил: слишком театрално. Он горько рыдает — опять не то: не такого характера у Петрова, чтоб плакать. И лишь на двадцатой репетиции пошли верное решение: он встает, толкает ногой дверь и жалко выдыхает жалкий морозный воздух... Так за каждым жестом, движением, нотацией актера на сцене — часы раздумий, споров, убойный труд.

Загнанный, одетый, вынужденный настроенный — настоящий Петров! — В. М. Зельдин идет на площадку. Пожелав ему ни пуха, ни пера, а сами продолжим путешествие за кулисами.

— Видите, там только что стоял дом Петровых? — показывает вниз А. Ф. Жуков, главный машинист сцены. — Его уже нет... провалился. Понимаете: сцена состоит из площадок, которые могут подниматься на два метра и яа столько же опускаться. А вот сбоку барак с парами. Минута, и на месте Ленинграда — Крайний Север...

Кто же они, скажете, богатыри, легко, почти бесшумно передвигающиеся дома, города, районы? Увы,а, продолговатая кабина. На большем, во всю стену щите в полумраке светятся заглазные круги шкала, поблескивают бесчисленные кнопки, рычажки. Кажется, находишься в кабине современной физической лаборатории. А тут еще в кабину поступают непонятные команды: «БВ—193 градус!» «МВ—360 градусов!».

Мы у пульты управления всеми механизмами сцены. Их около. Отсюда управляют большой и малый круги. Команды и означают, насколько повернуть большой и малый барабаны: их движение отражается на шкале. Отсюда управляют 19 подъемными площадками: сцены, софитам — этой сложной осветительной арматурой с сотнями фонарей. Не богатыри, а обычные военные механики В. С. Ремезов и С. Т. Омельченко нажимают кнопки, повертывают рычажки, и на сцене появляется благоустроенная квартира, вырастает дом, проплывает огромный корабль. Заведует этим двигателем центром спектакля Г. И. Михеев. Сейчас он уже

в годах, его речь, жесты степенны, неторопливы, в волосах — седина. Но стены театра помнят его юным: непоседой-юнцом, пришедшим с сотнями других молодых москвичей строить здание армейского театра. В войну ему, как лучшему знатоку всех 300 помещений здания, поручили охранять дорогостоящее театральное имущество. Он и не выходя отсюда, при бомбежках выбегал на крышу и, рискуя жизнью, сбрасывал зажигательные бомбы.

А. А. Машков, Н. Ф. Данилова, Л. И. Рыжовская, В. В. Ходыров — с кем ни поговори, слышишь: работаю 20, 25, 30 лет. Кое-кого из них соблазняли в других местах заработок побольше, но нет, они не ушли. В этой верности театру — горячая любовь людей к армии, к искусству, воспеваемому красоте родного подвига. И пусть зритель безвестные закулисные труженики (закулисные — в букавальном смысле!), пусть он не прочтет их имен в театральной программе, лента их в воссоздании жизненной правды на сцене ослепила. Их будни — это тоже неспростанные поиски. Без устали учась, — современная театральная техника требует инженерных знаний — они все время выдумывают, конструируют, творят.

ЗАМЕЧАЛИ ли вы на самом краю, сцены невысокий прямоугольный выступ? Это — олице в чудесное царство П. И. Сухарева, заведующего электроосветительным цехом. Художник заслуженный деятель искусств Грузинской ССР П. Г. Сумбаташвили решил дать в спектакле обширную панораму Ленинграда. Видны города нарисовали в начале на холстах, установили их, осветили — не то: бедно, разрозненно. А почему бы не использовать светопропускную? — предложил Сухарев. Исаакиевский собор, Петропавловскую крепость, реку Неву обозначили на диапозитивах, прикрепили к софитам проекционные фонари, позади сцены повесили огромный кусок полотна, и вот там величественная городская перспектива. Далеко применили проекционные при-

ставки, и неясные волны пошли, заколыхались. Удивительные чудеса творятся здесь с помощью света! Красивый, сверкающий салют над Ленинградом — это позади полотна мотором поднимают и опускают три рамы с разноцветными лампочками, которые то вспыхивают, то гаснут. Вас поражают на сцене дождь, метель, пожар — прямо всамделишные, и все это с помощью света.

Ну хорошо, а шум? Какими механизмами вырабатывают их?

— Зачем вырабатывать, — с лукавинкой усмехнулся П. М. Смоленский, заведующий радиоцехом. — Звучи натуральные...

В цехе — магнитофоны. Работники театра устраивают своеобразную охоту за шумами. В Крыму они записывали на пленку гул морского прибоя, на подмосковной станции — грохот идущего поезда, на артиллерийском полконе — треск выстрелов. Все это и воспроизводится на сцене — просто!

Мы побывали у замечательных искусниц буфеторского цеха, которые мастерят из дешевого гипсового материала сотни удивительных вещей — от мухи до коровы, в пошивочной мастерской, где шьют одежду любой эпохи... В небольшой кабине, тоже уставленной аппаратурой, встретились с немногословным, решительным человеком, властно отдававшим распоряжения в микрофон. Режиссерский пульт — капитанский мостик спектакля, откуда помощник режиссера П. М. Шматков управляет сложным театральным механизмом.

ГИГАНТСКАЯ ниша зрительного зала непривычно пуста. Днем представления нет. Но не безлюдна сцена. Посреди нее — плотный черноволосый мужчина. Водушенно жестикулирует, он с жаром говорит стоящим здесь же В. М. Зельдину, Г. Т. Островской и другим актерам:

— Три друга смотрят на генерала и с надеждой, и со страхом: вдруг он не оставит их на сверхсрочную? Генерал внешне суров, но это отец солдат, он, конечно, не откажет друзьям. Но он не спешит

Перед выходом на сцену. Л. МИШАГЛИНА гримирует В. ЗЕЛЬДИНА. Фото Г. ОМЕЛЬЧУКА.

с ответом — пусть сержанты почувствуют значительность своего шага. Вот и нужно передать тонкость и глубину отношений этих людей. Ну-с, повторим еще раз...

Идут репетиции спектакля «Душа солдата» (пьеса Е. Е. Шатуновского, музыка Л. А. Лядовой). Ставит пьесу специально приглашенный для этого в Москву главный режиссер театра Северного флота И. Б. Шойхет. Новый спектакль, который будет поставлен в казачьей Пленума ЦК КПСС, — это живое, веселое повествование о трех хороших парнях-сержантах, решивших связать свою жизнь с армией, о том, как они, получив увольнительные, добрыми делами «завоевывают» город. Мы наблюдали, как актеры несколько часов подряд, до седьмого пота, отрабатывали каждое на танцев. Ничего не подлащив: тяжело на репетициях, легко в спектакле! У людей одна забота: чтобы мы с вами, читатель, приняв теплым майским вечером в театр, вновь насладились прекрасным, получили радость от правдивого, жизнеутверждающего искусства.

Подполковник В. ЛУКАНИН.